

DOI: 10.31857/S032103910010673-3

ЮЛИАН ОТСТУПНИК И АПОСТАСИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

М. А. Ведешкин

*Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия*

E-mail: balatar@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7844-5742

В статье рассматривается проблема перехода в язычество христианских подданных императора Юлиана Отступника. Представлена общая характеристика методов, с помощью которых император пытался добиться апостасии христиан, дается общая оценка эффективности этой политики по отношению к различным слоям позднеримского общества (чиновничество, армия, клир, представители интеллектуальной элиты, рядовые граждане).

Ключевые слова: поздняя античность, поздняя Римская империя, христианство, язычество, Юлиан Отступник, апостасия, обращение

JULIAN AND THE APOSTASY OF THE ROMAN EMPIRE

Mikhail A. Vedeshkin

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia*

E-mail: balatar@mail.ru

The article discusses the problem of Christian conversion to paganism in the Roman Empire during the short reign of Julian the Apostate. The paper offers a general characteristic of the methods by which the emperor tried to achieve the apostasy of his Christian subjects and an assessment of the effectiveness of this policy in relation to various layers of the late Roman society (bureaucracy, army, Christian clergy, representatives of the intellectual elite, ordinary citizens).

Keywords: Late Antiquity, Later Roman Empire, Christianity, paganism, emperor Julian, apostasy, conversion

---

Данные об авторе. Михаил Александрович Ведешкин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН; доцент кафедры международной политики и зарубежного регионоведения ИОН РАНХиГС.

С окончанием эпохи гонений началось активное распространение христианства в провинциях империи и землях прилегающих государств и племен. Впрочем, история IV–V вв. знает немало примеров возвращения вчерашних последователей новой веры к культам древних богов. Мотивы, которыми руководствовались обращавшиеся в язычество христиане, были не менее разнообразны, чем причины, побуждавшие недавних приверженцев традиционных культов уверовать в единого Бога. Некоторые из них разочаровывались в новом учении и Церкви¹, другие обращались в язычество в процессе приобщения к классической интеллектуальной традиции², третьи — из желания выслужиться перед патроном-идолопоклонником³. О многочисленных случаях обращения христиан к древним богам сообщают и источники, освещающие краткое правление Юлиана Отступника.

Несмотря на то что ученые неоднократно отмечали, что в его царствование некоторые христиане отпали в язычество, объектом специального изучения это явление до сих пор не становилось. Упоминавшие о данном феномене исследователи обычно ограничивались перечислением имен известных им отступников, иногда сопровождая их замечаниями о том, что в язычество обращались исключительно карьеристы, отошедшие от древних культов сразу после того, как на престол вступил христианин Иовиан⁴. Фактически, в литературе проблема массовой апостасии граждан империи в 361–363 гг. получила лишь самую поверхностную характеристику. В данной статье мы попытаемся заполнить эту историографическую лакуну, проведем анализ действий Юлиана по обращению его подданных в язычество, охарактеризуем формы и методы этой политики, представим общую оценку ее результатов.

Свое правление Юлиан начал с провозглашения веротерпимости⁵. При этом сам август открыто отдавал предпочтение традиционным культам и делал все, чтобы привлечь к ним граждан империи. И почитатели императора, и его недоброжелатели неоднократно упоминали о том, что, избегая открытого принуждения⁶,

¹ В анонимной поэме «Carmen ad senatorem» (CAS) рассказывается о сенаторе, который раскаялся в своем крещении и вернулся к почитанию Великой Матери (CAS 6–20) и Исиды (ibid. 21–34). По данным Августина, африканские крестьяне возвращались в язычество из отвращения к взаимной жестокости кафоликов и донатистов (Aug. Ep. 20*.20 (CSEL 88, P. 105)).

² См. Vedeshkin 2019, 348–363.

³ Об упоминаемых в «Carmen contra paganos» вероотступниках Левкадии и Маркиане (CCP 78–83) см. Vedeshkin 2016, 76–79.

⁴ См. Alfionov 1880, 231–232; Seeck 1897, 330; Bowder 1978, 103; O'Donnell 1979, 61; Pack 1986, 294; Bringmann 2004, 92; Schöllgen 2004, 71; Kahlos 2007, 44; Hahn 2011, 112; Wiemer 2020, 222.

⁵ В начале царствования Юлиан издал указы, восстановившие государственную поддержку язычества, одновременно провозгласив полную свободу отправления всех форм христианского культа и позволив сосланным епископам вернуться из изгнания. См., например, Amm. XXII. 5. 4; Theod. HE. III.4(2); Soz. V. 5; Soc. III. 5; Philost. VII. 4; Chron. Pasch. 362. Ср. Joh. Chrys. In Bab. II. 22. См. подробнее Marcos 2009.

⁶ Император осуждал насилие в делах веры. В своих сочинениях он выказывал не ненависть к христианам, но глубокое сожаление о том, что часть его подданных

он малу-помалу привлекал своих подданных к язычеству. По воспоминаниям Либания, Юлиан стремился не карать христиан, но убеждать их в истинности древней веры (Lib. *Or.* XVIII. 121–123). Ему вторил Григорий Назианзин: «не смело, не по примеру других христоненавистников, передался он в нечестие, но прикрывал гонение личиной кротости... всякими ухищрениями завлекал несчастных в одну с собой бездну...» (Greg. *Naz. Or.* VII. 11–12)⁷. В начале V в. Павел Орозий сообщал, что Юлиан склонял людей к отступничеству не пытками, но наградами (Oros. VII. 30. 2). «Многих располагал он к приношению жертв ласками и подарками», – рассказывал Сократ Схоластик (Soc. III. 13, пер. Санкт-Петербургской Духовной Академии).

Император открыто объявлял о том, что он предпочитает, чтобы все государственные и придворные должности занимали его единоверцы (Jul. *Ep.* B83/W37/Φ38)⁸. При этом август, по-видимому, не был готов совершенно отказаться от услуг христианских чиновников, выслужившихся при Константине и Констанции II. В надежде на то, что он сможет убедить их оставить «галилеянское суеверие» (так император именовал христианство) и обратиться к отеческим культам, Юлиан стал лично проповедовать своему окружению, «на всех же старался действовать очаровательностью речей и собственным примером» (Greg. *Naz. Or.* VII. 11). Император не считал «врагом всякого, еще не преданного Зевсу, – говорил Либаний, – тех, которых он рассчитывал со временем обратить, тех он не отстранял, но уговорами своими увлекал и сначала отказывавшихся после приводил к тому, что они плясали вокруг жертвенников»⁹ (Lib. *Or.* XVIII. 125)¹⁰.

Думается, что существенным, впрочем, далеко не единственным, аргументом в пользу «плясок у жертвенника» для чиновников являлась возможность сохранить ранее занимаемую должность или получить повышение. Через два года после гибели императора¹¹ Григорий Назианзин вспоминал, что в царствование Юлиана для христиан «одно было право на получение начальства – отступничество» (Greg. *Naz. Or.* V. 19)¹². На исходе IV столетия ему вторил Астерий Амасийский:

оставила отеческие культы. См. Jul. *Ep.* B83/W37/Φ38; B61c/W36/Φ30; B114/W4/Φ57 – нумерация писем императора приведена по изд. Биде и Кюмона (В); Райт (W) и Фурмана (Φ); здесь и далее пер. Д. Е. Фурмана. Ср. Lib. *Or.* XVIII. 121–124; Eutrop. X. 16. В христианских текстах IV–V вв. даже чувствуется обида на лукавого гонителя, который лишал верных мученического венца: см., например, Greg. *Naz. Or.* IV. 58; Joh. Chrys. *In Bab.* II. 22; *In Juvent.* 1.

⁷ Ср. Greg. *Naz. Or.* XVIII. 32. Здесь и далее цитаты из Григория Назианзина даны в переводе Московской духовной академии.

⁸ Об изгнании христиан с придворных должностей см. Greg. *Naz. Or.* IV.63. Церковная традиция сохранила предание о том, что август издал указ, воспрещавший последователям новой веры занимать наместнические посты (Ruf. *HE.* I(X). 32; Soc. III. 13. Ср. Soz. V. 18).

⁹ Здесь и далее цитаты из Либания даны в переводе С. П. Шестакова.

¹⁰ Ср. с рассказом Григория Назианзина о том, что, даже отвергнув предложение императора перейти в язычество, его брат Кесарий некоторое время оставался при дворе (*Or.* VII. 11–14), чем немало обеспокоил своих родных (*Ep.* 7(17)). Согласно Либанию, Юлиан был ответственен за обращение в язычество комита Феликса (см. ниже).

¹¹ О времени написания *Or.* V см. Elm 2012, 465–477.

¹² Ср. Greg. *Naz. Or.* IV. 11; VII. 12.

«когда известный царь... желающим делать это (приносить жертвы. — *М. В.*) предоставлял большие почести — то сколько людей, оставив Церковь, побежали к жертвенникам? Сколько, приняв на себя эту приманку государственных почестей, попались вместе с ним на удочку апостасии?» (*Aster. Amas. Hom.* III. 10 (468–469), пер. М.Д. Муретова). Вопрос, безусловно, риторический — по-видимому, отступников было немало.

Одним из них был Юлиан-старший, приходившийся своему тезке дядей по матери (*Philost.* VII. 10; *Theod. HE.* III. 12–13(8–9); *Pass. Artem.* 23). При Констанции II он занимал посты в системе провинциальной администрации империи, но до высших должностей так и не дослужился¹³. По воцарении его племянника карьера Юлиана пошла в гору. В начале 362 г. он был назначен комитом Востока. На этом посту он занимался восстановлением языческих культов и храмов и, по-видимому, добился немалых успехов¹⁴. В конце 362 г. комит Юлиан участвовал в закрытии антиохийских церквей и конфискации их имущества (*Philost.* VII.10; *Theod. HE.* III. 12–13(8–9); *Soz.* V. 7–8). В христианской традиции за ним закрепилась репутация свирепого гонителя (*Theod. HE.* III. 11(7); *Soz.* V. 7–8; *Pass. Artem.*; *Pass. Bonos.*; *Pass. Theodoret.*)¹⁵. Время его обращения неизвестно. Думается, что он перешел в язычество еще до того, как его племянник занял константинопольский престол — в письме, которое август отправил дяде вскоре (через нескольких дней или даже часов) после получения известий о кончине Констанция II, император обращается к родичу как к единоверцу (*Jul. Ep.* B28/W9/Ф14)¹⁶.

Еще одним отступником из числа придворных был Феликс (*Lib. Or.* XIV. 36; *Philost.* VII. 10; *Theod. HE.* III. 12(8)). После того как Юлиан был провозглашен соправителем Констанция, Феликс, ранее занимавший пост нотариуса, был включен в свиту молодого цезаря. Согласно Аммиану, Феликс находился при Юлиане на протяжении всего его пребывания в Галлии. Несмотря на то что август видел в Феликсе «своего человека»¹⁷, его карьерный рост после захвата Отступником единоличной власти позволяет предположить, что чиновник поддержал узурпацию 360 г. — в новом правительстве Феликс занял пост комита священных щедрот¹⁸. Вероятно, его обращение произошло уже после того, как Юлиан открыто объявил о своем язычестве — в начале 363 г. Либаний упоминал о том, что

¹³ До 361 г. он был президом Фригии. См. *Lib. Ep.* F764 (нумерация писем Либания дается по изд. Ферстера (F), Нормана (N) и Брэдбери (B)).

¹⁴ В конце 362 г. император поручил ему восстановить храм Аполлона в Дафне (*Jul. Ep.* B80/W29/Ф35). Об участии комита Юлиана в восстановлении культа Асклепия в Эгине см. *Lib. Ep.* F625/B147; F695; о поощрении им празднеств в честь Артемиды в Тарсе (*ibid.* F712/B181); ср. *Pass. Artem.* 23.

¹⁵ О Юлиане-старшем см. *PLRE* I, 470 (*Julianus* 12); Haehling 1978, 181 (11. *Julianus*); Petit 1994, 138 (156 *Julianus* II). О его образе в агиографии см. Teitler 2017, 85–89; 114–117. Впрочем, по мнению Вудса, мучителем Боноза и Максимилиана был не дядя императора, а его тезка — командир легионов иовианов и геркулианов (*Woods* 1995a, 51–54; 1995b, 61).

¹⁶ Bowersock 1978, 62–63. О времени написания письма см. Furman 1970a, 237, прим. 1.

¹⁷ В конце 360 г. Констанций II «рекомендовал» Юлиану назначить Феликса на пост магистра оффиций (*Amm.* XX. 9. 5).

¹⁸ Он вступил в должность до 9 марта 362 г. См. *CTh.* IX. 42. 5.

Феликс лишь недавно стал «другом богов» (Φῆλιξ... θεοῖς δὲ νεωστὶ φίλος – Lib. Or. XIV. 36). Впоследствии комит участвовал в закрытии Великой Церкви Антиохии в конце 362 г. (Philost. VII.10; Theod. HE. III. 12–13 (8–9))¹⁹.

Император сумел обратить и своего друга Гельпидия (Theod. HE. 12(8); Philost. VII. 10; Pass. Bas. Anc. 9) – еще одного чиновника Констанция II, поставленного присматривать за действиями Юлиана в Галлии. После того как Отступник взшел на престол, Гельпидий получил должность комита частных имуществ и вошел в число наиболее влиятельных придворных²⁰. Современникам царедворец запомнился как праведный язычник – Либаний хвалил его «ревность к божеству» (τῆ δὲ περὶ τὸ θεῖον σπουδῆ – Lib. Or. XIV. 35) – и активный проводник антихристианской политики императора – последователи новой веры вспоминали о его участии в закрытии Великой Церкви Антиохии (Theod. HE. III. 12(8); Philost. VII. 10) и истязаниях пресвитера Василия Анкирского (Pass. Bas. Anc. 9; 12–13)²¹. Пети высказывал предположение, что обращение Гельпидия свершилось еще до завоевания Юлианом единоличной власти. В подтверждение этой гипотезы он указывал на написанное в конце 358 г. письмо Либания, в котором упоминалось о том, что знакомство с Юлианом благотворно сказалось на нравах Гельпидия. Ритор считал, что благодаря общению с цезарем чиновник обрел «добродетель» (Lib. Ep. F35/N38). Вероятнее всего, под «добродетелью» софист подразумевал именно язычество²². Догадка исследователя подтверждается данными XIV речи Либания, в которой ритор заявлял о том, что упомянутый выше Феликс стал другом богов лишь недавно. Это замечание Либаний делает при перечислении ближайших сподвижников Юлиана: Максима, Приска, Гельпидия и Феликса (Lib. Or. XIV. 32–36). Из них прозелитами были лишь Гельпидий и Феликс, следовательно, вероотступничество комита частных имуществ случилось задолго до обращения комита священных щедрот²³.

Самым заметным из отступников эпохи Юлиана был Домиций Модест – один из известнейших государственных деятелей середины IV в. К концу правления Констанция II он уже дослужился до комита Востока. На этом посту чиновник «прославился» организацией печально известного Скифопольского процесса, жертвами которого стали многие представители восточноримской элиты²⁴. Несмотря на сомнительную репутацию, по воцарении Юлиана Модест получил повышение. Осенью 362 г. он был назначен префектом Константинополя. Своим карьерным ростом чиновник скорее всего был обязан своевременному отказу от христианства. Впрочем, нельзя исключать того, что еще до 361 г. Модест был

¹⁹ О Феликсе см. *PLRE I*, 332 (Felix 3); Petit 1994, 107 (111 Felix II); Olszaniec 2013, 168–172 (Felix I).

²⁰ О влиянии Гельпидия при дворе см. Lib. Ep. F758/N95; F796/B156.

²¹ Обсуждение проблемы аутентичности *Pass. Bas. Anc.* не входит в число задач данной статьи. Историографию вопроса см. в Busine 2019, 265, п. 10.

²² Petit 1994, 90.

²³ О Гельпидии см. *PLRE I*, 415 (Hepidius 6); Haehling 1978, 142 (11. Elpidius); Petit 1994, 89–90 (84. Elpidius II); Olszaniec 2013, 217–222.

²⁴ О его участии в организации процесса см. Amm. XIX. 12. 6. О Скифопольском процессе см. Heyden 2010, 310–311; Vedeshkin 2018, 197–198.

тайным язычником. Намек на это содержится в написанном в конце 362 г. письме Либания, в котором ритор поздравлял друга с новообретенной возможностью открыто поклоняться издавна чтимым им богам (*Lib. Ep.* F804/B74). Некоторый вес гипотезе о тайном язычестве Модеста придают и данные переписки Либания второй половины 350-х годов. В посланиях к называвшему себя христианином чиновнику Либаний неоднократно поминал древних богов и даже заклинал друга именем Зевса, что было бы едва ли уместно в случае, если Модест являлся искренним приверженцем новой веры²⁵.

В число язычников-неофитов можно включить и Селевка — одного из друзей юности августа²⁶. По воцарении Юлиана он получил чин комита²⁷ и был поставлен верховным жрецом Киликии. На этом посту Селевк активно участвовал в восстановлении языческого богопочитания во вверенной ему провинции (*Lib. Ep.* F770/N92; F771; *Jul. Ep.* B86/W32/Ф41). В 363 г. Селевк присоединился к свите Юлиана, при котором он находился до самой его смерти²⁸. Информация о том, что жрец некогда был христианином, выводится из сообщения Палладия Еленопольского. Рассказывая о дьякониссе Олимпиаде, агиограф отмечал, что она была дочерью бывшего комита Селевка и внучкой префекта Аблабия — знаменитого царедворца времен Константина (*Pall. Laus.* 56(CXLIV))²⁹. С учетом того факта, что нам известен лишь один Селевк, занимавший высокий пост в середине IV в., друг Юлиана является наиболее вероятным кандидатом на роль отца Олимпиады. Родство дьякониссы с префектом могло идти лишь по линии Селевка — отец ее матери Александры дожил по меньшей мере до 361 г.³⁰, а Аблабий был убит еще в 337 г.³¹ Известно, что префект был праведным христианином, следовательно, его наследник также должен был воспитываться в этой вере³². При этом

²⁵ См. *Lib. Ep.* F200/N70; F220/B71; F617/B73; F624. Альтернативная точка зрения представлена в Sandwell 2011, 258–259. О Модесте см. *PLRE* I, 608 (Domitius Modestus 2); Dagron 1974, 242–244, 246–247; Petit 1994, 165–172, 200 (Modestus); Van Dam 2002, 106–135. Ал. Кэмерон выдвинул гипотезу, что Модест был объектом анонимной поэтической инвективы «*Carmen ad quendam senatorem*», высмеивавшей бывшего консула, который сначала был язычником, затем принял крещение и наконец вновь обратился к древним культам (Cameron 2011, 326–327). Это предположение выглядит сомнительно. Во-первых, вся обстановка *CAS* указывает на то, что местом действия поэмы был Рим, а не Антиохия или Константинополь, как предполагал исследователь (см. McLynn 2015, 233–234). Во-вторых, до своего вступления в консульство Модест вновь обратился в христианство (см. ниже прим. 92).

²⁶ Они были знакомы по крайней мере с 353 г.; см. *Lib. Ep.* F13/B23.

²⁷ Летом 362 г. Либаний упоминал о том, что Селевк получил высокий государственный пост — «опоясался» (*Lib. Ep.* F734/B155). О том, что Селевк стал комитом, см. *Pall. Laus.* 56(CXLIV); *V. Olymp.* II; называвший его префектом Малала, очевидно, спутал Селевка с его отцом Аблабием (*Malal. Frag. Tusk.* (PG 85, col. 1812)).

²⁸ Селевк участвовал в персидском походе (*Lib. Ep.* F802/N98; F697/B129; F1508/N142).

²⁹ Ср. *V. Olymp.* II; *Malal. Frag. Tusk.* (PG 85, col. 1812–1816).

³⁰ *PLRE* I, 818.

³¹ См. Chausson 2002, 210–211; Burgess 2008, 18–19, 28–31, 40–41.

³² О нем см. *PLRE* I, 818–819 (Seleucus 1). О проблеме родственных связей Аблабия, Селевка и Олимпиады см. подробнее Vedeshkin 2021.

Иоанн Златоуст упоминал, что дочь Селевка происходила из «нечестивого дома» (ἐξ ἄσεβοῦς οἴκου — Joh. Chrys. *Ep. Ad. Olymp.* 2. 5 (8. 5)). Аблабия, который за свое благочестие удостоился похвалы Афанасия Александрийского и императора Константина (Athanas. *Fest. Ep.* IV. 5; *Sirm.* I), архиепископ едва ли мог назвать «нечестивцем», следовательно, речь шла не обо всем семействе Олимпиады, но лишь об ее отце. Очевидно, между 337/338 г. и 361 г. сын Аблабия обратился в язычество. В письмах Юлиана и Либания Селевк уже предстает несомненным последователем традиционных культов. Его переход в язычество, по-видимому, не был напрямую связан со вступлением на престол его друга — в конце 361 г., обращаясь к Селевку, Либаний с большим энтузиазмом отзывается об изданном Юлианом эдикте о восстановлении языческого богопочитания (Lib. *Ep.* F697/B129). Судя по его тону, софист знал, что его корреспондент одобряет новый религиозный курс.

Случаи вероотступничества чиновников и придворных едва ли ограничивались этими примерами. Однако имена прочих прозелитов нам неизвестны³³. Так или иначе, не вызывает сомнений, что в царствование Юлиана в язычество перешла значительная часть представителей «политического класса». Примечательно, что некоторых из них август обратил еще в царствование Констанция, когда переход в язычество не сулил никаких политических выгод и мог быть потенциально опасен для неопфита. В целом Юлиану удалось полностью укомплектовать центральную и провинциальную администрацию империи своими единоверцами³⁴.

Военные были еще одной социальной группой, обращению которой Юлиан придавал первостепенное значение. Очевидно, он понимал, что недовольство армии может не только поставить крест на планах языческой реставрации, но и стоить ему

³³ Некоторые исследователи высказывали предположение, что в правление Юлиана в язычество обратился проконсул Азии Дулькиций (Malcus 1967, 108; von Haehling 1978, 140; Schöllgen 2004, 71). Единственным аргументом в пользу этой гипотезы являются данные о том, что чиновник, получивший свой пост в правление Констанция II, не был отправлен в отставку при Юлиане. Думается, что этой информации недостаточно для того, чтобы называть Дулькиция отступником. Во-первых, среди чиновников Констанция II было немало язычников (см. von Haehling 1978, 527). Многие из них продолжили службу при Юлиане. См. *PLRE* I, 7 (Acacius 8); 50 (Fl. Amachius); 106–107 (Aristophanes); 174–175 (Calliopius 2); 237–238 (Cyrillus 1); 583 (Maximus 19); 797 (Sallustius 5); 814–817 (Saturninius Secundus Salutius 3); 973 (Ulpianus 3). Во-вторых, не сохранилось никаких свидетельств о том, что проконсул когда-либо исповедовал христианство. Впрочем, нельзя исключать и того, что Дулькиций, как, впрочем, и любой другой чиновник Юлиана, язычество которого не было надежно зафиксировано в источниках, освещавших царствование Констанция II, был прозелитом. О Дулькиции см. *PLRE* I, 247 (Dulcitus 5); Petit 1994, 84–85 (79. Dulcitus III). В отступники царствования Юлиана иногда записывают и героя анонимной «Carmen ad quendam senatorem» (Rosen 1993). К сожалению, описываемые в поэме события невозможно точно датировать. Апостасия героя инвективы могла свершиться в любое время после 312 и до 395 г. (Voxus, Poucet 2010). Иными словами, гипотезу о том, что «некий сенатор» был одним из «соблазненных» Юлианом придворных, нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

³⁴ За все царствование Юлиана не известно ни одного чиновника-христианина (von Haehling 1978, 537–539; Bowder 1978, 103).

власти и даже жизни (Greg. Naz. *Or.* IV. 63). Вероятно, поначалу император опасался, что провозгласившие его августом войны отвернутся от него, если он открыто объявит о своих религиозных симпатиях³⁵. Вплоть до окончательного разрыва с Констанцием осторожный Юлиан скрывал свое язычество (Amm. XXI. 5. 1; 5. 3) и продолжал выдавать себя за христианина (*ibid.* XXI. 2. 3). Однако он переоценивал христианское благочестие своих солдат. Многие из них происходили из областей, в которых новая вера еще не пустила прочные корни, и, видимо, были лишь номинальными христианами³⁶. Другие были открытыми язычниками³⁷. Существенное влияние на религиозный выбор армии, несомненно, оказывало и ее отношение к Юлиану — победоносный полководец, многие годы деливший со своими боевыми товарищами тяготы походной жизни, пользовался огромным авторитетом у солдат и офицеров. Источники не сохранили ни одного упоминания о том, что войны выразили хоть какое-то недовольство, после того как летом 361 г. император открыто объявил о своем язычестве³⁸. Осенью того же года в послании к своему учителю Максиму мятежный цезарь не без гордости писал о том, что основная масса его армии открыто почитает богов и совершает религиозные обряды (Jul. *Ep.* B26/W8/Φ13).

Таким образом, переход в язычество войск, служивших под началом Юлиана в Галлии, прошел довольно гладко. Впоследствии «галлы» зарекомендовали себя горячими сторонниками древних культов. Во время зимовки в Антиохии войны из легионов кельтов и петуланов с энтузиазмом участвовали в проводимых Отступником религиозных церемониях (Amm. XXII. 12. 6), а солдаты из ранее служивших на рейнском лимесе подразделений дивитенсов и тунгриканов³⁹ сохранили верность язычеству и после смерти своего вождя⁴⁰.

Сложнее дело обстояло с обращением восточных армий. На востоке христианство было более распространено, чем на западе, и среди призванных на этих территориях рекрутов удельный вес последователей новой веры был выше, чем в галльских армиях. Кроме того, большинство из служивших под началом Констанция II воинов не питали симпатий к новому августу, которого они имели все основания считать и отступником, и мятежником. В результате Юлиан долгое время не решался всерьез взяться за привлечение восточных легионов к язычеству. Их «дехристианизация» началась лишь после того, как император

³⁵ См. Theod. *HE.* III. 3(1); Tomlin 1998, 31–32; Shean 2010, 288.

³⁶ Западные армии по большей части рекрутировались из числа галльских крестьян, варваров-летов и зарейнских германцев, среди которых и поколение спустя было нелегко найти христианина, см., например, Sulp. Sev. *V. Martin.* 13–14; *Dial.* III. 8; Bowder 1978, 94–95; Jones 1986, 137; Tomlin 1998, 24–25; Lee 2008, 227; Shean 2010, 291.

³⁷ Sauer 1996; Tomlin 1998, 28, n. 60.

³⁸ В написанном летом 361 г. послании к афинянам Юлиан уже открыто заявлял о своем язычестве, см. Jul. *Ep. ad Ath.* 280d, 282d, 284b–c. О дате и месте составления этого текста см. Mark 2012, 77; с библиографией на 88, n. 9–10. Ср. с упоминаниями «богов» в письме, написанном во время похода против Констанция (Jul. *Ep.* B19/W73/Φ10; Bidez, Cumont 1922, 24–25), и известиями Либания и Сократа о том, что Юлиан принялся восстанавливать языческие культы на территориях, которые он контролировал во время гражданской войны (Lib. *Or.* XVIII. 114–117; Soc. III. 1).

³⁹ О них см. Tomlin 2008, 155.

⁴⁰ Ср. Amm. XXVI. 6. 12–13 и XXVI. 7. 17.

укрепил свою власть и ликвидировал потенциальную опасность военного мятежа (Amm. XXII. 11. 1–2)⁴¹.

Верный своим принципам, Юлиан оставлял за солдатами право открыто следовать своей вере⁴². При этом август мало-помалу приучал новообретенные армии к язычеству (Lib. Or. XVIII. 167). Обращение началось с замены христианских хоругвей на значки с изображениями богов и героев (Greg. Naz. Or. IV. 66; Soz. V. 17). Судя по всему, даже такие незначительные преобразования вызывали брожения среди воинов. Агиографическая традиция сохранила рассказ о том, что знаменосцы иовианов и геркулианов Боноз и Максимилиан были казнены за отказ выполнить приказ командира и снять христианские символы со штандартов (*Pass. Bonos.*)⁴³.

Кульминация усилий императора по пропаганде язычества пришлась на январь 363 г.⁴⁴ Только что вступивший в очередное консульство август принял новую присягу воинов, после чего следовала традиционная раздача донатива. На этот раз ритуал был изменен — перед тем, как получить подарок, легионеры должны были бросить несколько зерен фимиама на жертвенник Марса. Несмотря на то что, разгадав намерения императора, некоторые воины-христиане отказались от участия в церемонии, многие принесли жертву, зачастую даже не понимая, что тем самым они отступают от христианства (Greg. Naz. Or. IV. 82–83; Lib. Or. XVIII. 168–170; Soz. V. 17; Theod. HE. III. 16(12); Theoph. Chron. 5854). По данным христианских авторов, действия Юлиана возмутили некоторых легионеров из числа последователей новой веры, ранее простодушно совершивших подобную «техническую» апостасию. Поняв, что они невольно сделали отступниками, воины потребовали у императора дать им шанс засвидетельствовать веру мученической смертью. Их просьбы не были удовлетворены. Смутьяны отделались обвинением в нарушении дисциплины

⁴¹ О связи участия Юлиана в похоронах Констанция и организации Халкидонского процесса с его стремлением снизить оппозиционные настроения в рядах восточной армии см. Greg. Naz. Or. V. 16–17; Kaegi 1967, 250–255; Blockley 1972, 449–450; Bowersock 1978, 66–70.

⁴² Христианские писатели заявляли, что Юлиан лишил их единоверцев возможности служить в гвардии (Soc. III. 13; Joh. Ant. Fr. 204 (ed. Mariev)) или даже вовсе запретил брать их на воинскую службу (Ruf. HE. I(X). 32; Theod. HE. III. 8(4)). Эти свидетельства опровергаются сообщениями современников (см. Greg. Naz. Or. IV. 65; Aug. Enarr. in Psalm. 124. 7), в том числе и самого императора (см. ниже). Рассказы о чистке гвардии от христиан, по-видимому, основываются на неправильной интерпретации эдикта, сократившего штат корпуса домашних до пятидесяти человек (CTh. VI. 24. 1). Несмотря на то что многие из уволенных были последователями новой веры, в корпусе осталось некоторое количество христиан, в том числе примыкавших командные должности в армии Юлиана, см. PLRE I, 461 (Iovianus 3); 462–463 (Iovinus 6); 443 (Hormisdas 2); 812–813 (Sebastianus 2); 957–959 (Victor 4); Haehling 1978, 540. Как было доказано Ленски, рассказы о том, что будущие императоры Иовиан, Валентиниан и Валент подверглись репрессиям за свое исповедание новой веры, являются плодом позднейшего мифотворчества (см. Lenski 2002b).

⁴³ Аутентичность событий, освещаемых в *Pass. Bonos.*, признается не всеми исследователями. Pro — см. Woods 1995a, с историографией, 27, n. 6; 1995b; contra — Hahn 2004, 173–174; den Boeft et al. 2005, 193–194; Cameron 2011, 105–106. Об идентификации комита Юлиана из *Pass. Bonos.* см. Woods 1995a, 51–54; 1995b, 61.

⁴⁴ О дате см. Gleason 1986, 109.

и ссылкой в отдаленные регионы римской державы (Greg. Naz. *Or.* IV. 84; Theod. *HE.* III. 17(13); Soz. V. 17)⁴⁵. Через несколько дней⁴⁶ последовала новая вспышка недовольства – воины-христиане из *schola gentilium* сговорились убить Юлиана. Их планы стали известны властям, после чего восемь из них были отправлены в изгнание, а двое зачинщиков – Ювентин и Максимин – казнены⁴⁷.

Эти сведения, казалось бы, демонстрируют неприятие религиозной политики августа воинами и подтверждают провал его попытки привлечь солдат восточной армии к язычеству. Вместе с тем все вышеперечисленные проявления недовольства исходили из среды гвардии⁴⁸, то есть части воинства, которая была

⁴⁵ Вероятно, о тех же событиях рассказывал Аммиан, сообщавший о ссылке трибунов скутариев Романа и Винкенция (Amm. XXII. 11. 2). Ср. с рассказом Феодорита о войне-исповеднике Романе (Theod. *HE.* III. 17(13)). Впрочем, Вудс не исключает, что ссылка трибунов могла не быть напрямую связана с недовольством расквартированных в Антиохии солдат-христиан (Woods 1997a, 276).

⁴⁶ О дате см. Peeters 1924.

⁴⁷ По свидетельству Иоанна Златоуста и Феодорита (Joh. Cris. *In Juvent.* 2–3; Theod. *HE.* III. 15(11)), на пиру несколько воинов-христиан начали поносить Отступника. Об их разговорах было доложено Юлиану, который якобы приказал арестовать болтунов. После бесплодных попыток склонить их к язычеству император повелел казнить зачинщиков преступных разговоров Ювентина и Максимиана. Несколько иначе о тех же событиях рассказывал Малала – по мнению хрониста, два христианских воина были осуждены на смерть не за пьяную болтовню, а за публичную критику императора (Malal. XIII. 19(327)). Эти свидетельства не согласуются с хорошо известным нежеланием Юлиана «плодить» мучеников (см. прим. 6 выше). Вероятно, за воинами числились более серьезные прегрешения. Некоторое представление об истинных причинах казни могут дать воспоминания Либания о том, что десять солдат планировали убить императора во время смотра. Заговор провалился после того, как один из воинов проговорился об их намерениях (Lib. *Or.* XVIII. 199). Несмотря на то что исследователи уже не раз пытались увязать известия христианских авторов со свидетельством софиста (например, Norman 1969, 413, n. b; Hahn 2004, 173), отождествлению мучеников с лидерами заговорщиков мешал рассказ Либания о том, что август помиловал злоумышленников (Lib. *Or.* XV. 43, XVI. 19, XVIII. 199, *Ep.* F1120/N113; см. Teitler 2013, 285–286). Решение этой проблемы было предложено Барнсом, обратившим внимание на то, что впоследствии Либаний говорил, что император простил поднявшую на него мечи «восьмерку» (Lib. *Ep.* F1120/N113). Как несложно заметить, число заговорщиков сократилось против первоначальной «десятки». Следовательно, два злоумышленника (по-видимому, Ювентин и Максимин) все же лишились жизни. Упомянуть об этом всегда подчеркивавший милосердие Юлиана Либаний, вероятно, не посчитал необходимым. Иными словами, данные ритора прямо не противоречат сообщениям христианских писателей. Ювентин и Максимин были казнены, но не как «мученики за веру», а как лица, обвиненные в покушении на убийство императора (Barnes 1998, 53). Вудс предположил, что оставшиеся восемь солдат спаслись, совершив вероотступничество (Woods 1997b, 349). Эта гипотеза подтверждается рассказом Златоуста, сообщавшего, что товарищи Ювентина и Максимиана заслужили прощение принесением жертвы (Joh. Cris. *In Juvent.* 2).

⁴⁸ Боноз и Максимилиан служили в привилегированных легионах корнунтов-иовианов и корнунтов-геркулианов соответственно (об их статусе см., например, Soz. VI. 6); Роман и Винкенций были командирами первой и второй школы гвардейцев-скутариев; а Ювентин и Максимин – телохранителями-кандидатами из числа гентилев-скутариев (Malal. XIII. 19(327); Woods 1997a, 283–284; 1997b, 347–348).

в наибольшей степени подвержена пропаганде новой веры⁴⁹. При этом источники вовсе не упоминают о каких-либо брожениях среди представителей «рядовых» подразделений полевой и пограничной армии, составлявших основу вооруженных сил империи. Несмотря на то что среди них, конечно же, было немало убежденных христиан, никакого активного сопротивления религиозной политике императора они, по-видимому, не оказали⁵⁰. Солдаты-язычники⁵¹ ее, очевидно, поддерживали, а воины, не имевшие твердых религиозных убеждений, принимали ту веру, которую исповедовал император, ведь, как отмечал Григорий Назианзин, «военные люди... не знают другого закона, кроме царской воли» (*Greg. Naz. Or. IV. 64*)⁵². Иными словами, большинство легионеров довольно спокойно приняли новый религиозный курс.

Открытое предпочтение, которое император отдавал язычеству, объективно повышало его привлекательность для простых солдат и особенно офицеров, которые, несомненно, осознавали, что, обратившись и склонив к отступничеству своих подчиненных, они смогут добиться расположения государя⁵³. Распространению язычества способствовала и готовность Юлиана вознаграждать решившихся поклониться богам воинов. Феодорит сообщал, что, несмотря на то что многие из «отступников» попались в расставленные императором сети по неведению, нашлись и те, кто «по страсти к деньгам небрегли о своем спасении или, боясь царя, изменяли благочестию» (*Theod. HE. III. 16(12)*, пер. Московской духовной академии)⁵⁴.

Обращение армии было закреплено частыми пирами, на которых император потчевал воинов вином и идоложертвенным мясом. Аммиан вспоминал, что в месяцы, предшествовавшие персидскому походу, «иной раз Юлиан закалывал по сто быков, без счета приносил в жертву множество разного скота и белых птиц... так что каждый почти день можно было видеть, как наедавшихся без меры мяса и напившихся до бесчувствия солдат тащили по улицам в казармы на своих плечах прохожие из общественных зданий с пиров» (*Amm. XXII. 12. 6*, пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни). По-видимому, необычайное количество жертвоприношений, за которые Юлиана осуждали даже некоторые язычники⁵⁵, было в том числе вызвано и надеждами императора на то, что полный желудок возобладает над религиозным чувством солдат. Ожидания августа вполне оправдались — согласно воспоминаниям Либания, по прошествии нескольких месяцев

⁴⁹ О христианской набожности гвардейцев Констанция см. *Lib. Or. XVIII. 94; Zos. III. 3. 2*; ср. *Theod. HE. III. 3(1)*.

⁵⁰ О подчинении христиан в армии Отступника воинской дисциплине см., например, *Aug. Enarr. in Psalm. 124. 7*.

⁵¹ О воинах-язычниках в армии Констанция см. *Ephr. C. Jul. III. 10–12*.

⁵² Ср. Jones 1963, 24–25.

⁵³ О принуждении солдат к язычеству см. *Greg. Naz. Or. IV. 64; Chron. Pasch. 363; Theoph. Chron. 5855*; см. Bidez 1913, 232; Whitby M., Whitby M. 1989, xvi; Mango et al. 1997, lxxx–lxxxi.

⁵⁴ Ср. *Joh. Chrys. In Bab. II. 23; In Iuvent. 2; Chron. Pasch. 363; Theoph. Chron. 5855*.

⁵⁵ *Amm. XXII. 14. 3, XXV. 4. 17; Epit. de Caes. 43. 7; Joh. Chrys. In S. Bab. II. 19(103)*). О масштабах жертвоприношений см. также *Lib. Or. XII. 87, XIV. 69, XVII. 9, XXIV. 35; Amm. XXII. 12. 7; Joh. Chrys. In Bab. II. 15(80); Prud. Apoth. 455–464; Soc. III. 17*.

религиозно-гастрономической обработки «воины по собственному почину бежали к жертвенникам и спорили из-за ладана» (*Lib. Or.* XII. 90). Эффективность акций императора по привлечению армии к древним культам косвенно признавалась даже его идейными противниками, в том числе и Григорием Назианзином, который, замечая, что «пала» лишь часть армии, соглашался с тем, что часть эта была велика (*Greg. Naz. Or.* IV. 64–65).

Косвенным свидетельством успеха императорских начинаний служит и фрагментарно сохранившееся послание Юлиана к Либанию, написанное в Иераполе в марте 363 г. Рассказывая софисту о походных буднях, император между делом заметил: «Многие из солдат галилеян обратились ко мне...» (*Πολλοὶ στρατιῶται προσηλθόν μοι τὴν Γαλιλαίων...* — *Jul. Ep.* B98/Φ49). Следующие две строчки (прибл. семьдесят букв) манускрипта утрачены⁵⁶. По мнению Фурмана, далее император сообщал о том, что многие солдаты его армии обратились в язычество⁵⁷. В пользу подобной реконструкции свидетельствует оптимистический тон письма и сам факт наличия лакуны — вероятно, христианский переписчик не решился копировать это сообщение⁵⁸.

Несмотря на то что источники не называют имен обратившихся в язычество военных, личности некоторых из них можно установить с высокой долей вероятности. Наиболее очевидным кандидатом на роль полководца-вероотступника является родич августа — Прокопий. При Констанции он занимал пост нотариия и трибуна, а после вступления на трон Юлиана получил звание комита и был поставлен во главе армии, призванной отвлекать персов от главного удара римлян. Спустя полтора года после смерти Отступника Прокопий попытался захватить власть и, потерпев неудачу, был казнен⁵⁹. Несмотря на то, что степень родства императора и военачальника неизвестна, ясно, что тот был родственником августа по линии его матери Базилины⁶⁰, семья которой была известна своим христианским благочестием⁶¹. Вероятно, Прокопий, как и Юлиан, воспитывался в новой вере. В пользу того, что в царствование Отступника он перешел в язычество, косвенно свидетельствуют ходившие по империи разговоры, что, отправляясь в поход против персов, август назвал Прокопия своим наследником (*Amm. XXIII. 3. 2, XXVI. 6. 2; Philost. IX. 5; Zos. IV. 4. 2*)⁶². Даже в том случае, если

⁵⁶ Bidez, Cumont 1922, 159.

⁵⁷ Furman 1970b, 241, прим. 8.

⁵⁸ Ср. с лакуной в конце *Jul. Ep.* B89a/W20/Φ44. Здесь текст также обрывается сразу после того, как император начинает рассуждать о христианстве (см. Wright 1923, 61, п. 2; Furman 1970b, 228, прим. 9).

⁵⁹ О Прокопии см. *PLRE I*, 742–743 (Procopius 4); Grattarola 1986; Lenski 2002a, 98–115.

⁶⁰ Источники и историографию по проблеме см. в Grattarola 1986, 84; Lenski 2002a, 69.

⁶¹ Базилина, а следовательно, и родня Прокопия, была связана кровными узами с епископом Евсевием Никомедийским. См. *Amm. XXII. 9. 4*. О набожности самой Базилины см. *Pall. Dial.* XIII; *Phot. Bibl.* 96.

⁶² Достоверность этих сведений спорна. Несмотря на то что Зосим писал о признании Прокопия наследником как о свершившемся факте, исследователи чаще склоняются к точке зрения Аммиана, считавшего это «ложным слухом» (*Amm. XXVI. 6. 2*; см. Wiebe 1995, 9–10; Lenski 2002a, 69–70; den Boeft *et al.* 2007, 130). Думается, что в данном случае Зосим — более надежный информатор. Большая часть его труда является пересказом

это были всего лишь слухи, невозможно представить, что кто-то мог поверить, будто Юлиан завещал престол одному из «нечестивых галилеян». В пользу гипотезы об апостасии Прокопия свидетельствует и рассказ о том, что, переходя на службу к узурпатору, некогда служившие под началом Отступника легионы присягали ему именем Юпитера (Amm. XXVI. 7. 17)⁶³. Эти воины знали комита по персидской кампании и должны были иметь хотя бы самое общее представление о его религиозных симпатиях.

Не исключено, что одним из офицеров-вероотступников был и Аммиан Марцелин. Гипотеза о том, что «солдат и грек» перешел в язычество при Юлиане, была сформулирована Барнсом, отметившим, что для человека, никогда не принадлежавшего к числу последователей новой веры, историк слишком хорошо знал христианскую терминологию. Исследователь убедительно показал, что из всех авторов-язычников IV в. схожую осведомленность о новом учении и церковных делах демонстрировал лишь сам Юлиан Отступник⁶⁴. В целом эта идея хорошо объясняет и сложное отношение Аммиана к новой вере, и его отставку при Иовиане⁶⁵.

Таким образом, за неполных два года императору удалось вернуть в лоно отеческой веры значительную, а возможно, и большую часть армии. Войска, служившие под его началом в Галлии, перешли в язычество летом—осенью 361 г., а восточные легионы император привлек к древним культам в течение девятимесячного «сидения» в Антиохии. В ряде случаев обращение солдат произошло под давлением со стороны их командиров, однако основная масса воинов, вероятно, сделали отступниками вполне добровольно.

Известны и отдельные примеры апостасии представителей христианского духовенства. Самым известным среди клириков-вероотступников был упоминаемый в переписке Юлиана и «Мученичестве Василия Анкирского» епископ Пегасий Тroadский (Jul. Ep. V79/W19/Ф34; Pass. Bas. Anc. 9; 10). Архиерей был старым знакомым императора, который встречался с ним во время своей второй ссылки в Малую Азию. По воспоминаниям Юлиана, еще в ту пору Пегасий отличался на редкость широкими взглядами и, в отличие от большинства служителей новой веры, спокойно и даже с симпатией относился к сохранению традиционного богопочитания в своем городе (Jul. Ep. V79/W19/Ф34). После воцарения Юлиана Пегасий отрекся от христианства и вступил в ряды обновленного языческого жречества⁶⁶. Лаконичные упоминания о еще двух клириках-отступниках — епископе Героне Фиваидском и антиохийском пресвитере Феотекне — сохранились

исторического труда Евнапия, опиравшегося на записки Орибасия — конфидента и личного врача Юлиана (Chalmers 1960, особенно 155—156; Fornara 1991; Liebeschuetz 2003, 183, 188), который мог быть осведомлен о неизвестных Аммиану планах императора.

⁶³ Testati more militiae Iovem invictum Procorium fore. Ср. с христианскими формулами клятв, которые легионеры давали при Констанции — Amm. XVII. 13. 34.

⁶⁴ Barnes 1998, 79—94, особенно 82—83.

⁶⁵ Аргументы в пользу того, что в царствование Иовиана Аммиан поплатился военной карьерой за излишне активное участие в мероприятиях Юлиана, см. в Woods 2000, 704—705.

⁶⁶ О Пегасии см. Pietri, Destephen 1999, 783—785; Schöllgen 2004.

в анонимной «Арианской истории»⁶⁷. Наконец, по данным сирийского «Романа о Юлиане», от христианства отреклись многие клирики Карр-Харрана⁶⁸.

Самым простым объяснением их апостасии было бы признание Пегасия, Герона, Феотекна и каррских священников циничными нигилистами, изменившими вере из конъюнктурных соображений. Как известно, в начале своего царствования Юлиан отменил льготы и иммунитеты христианского клира⁶⁹ и подтвердил привилегии языческого жречества, после чего оппортунисты, которых в рядах христианских священнослужителей было, по-видимому, немало⁷⁰, начали спешно перестраиваться под новый религиозный курс империи. Впрочем, мотивы обращавшихся в идолопоклонство клириков не следует сводить исключительно к поискам сиюминутной выгоды. Опираясь на данные переписки Юлиана, многие исследователи называли Пегасия, полагавшего, что языческие герои достойны не меньшего почитания, чем христианские мученики (Jul. Ep. B79/W19/Ф34), приверженцем некоей синкретической веры, наполовину христианином — наполовину язычником⁷¹. Сам император считал, что епископ был тайным язычником⁷², использовавшим свое положение для защиты храмов от излишне фанатичных христиан⁷³. Если это так, то восшествие на престол Юлиана могло дать Пегасию шанс раскрыть свои религиозные убеждения. Несмотря на то что почти никаких подробностей апостасии Герона и Феотекна не сохранилось, известно, что они обратились в язычество, находясь в Антиохии на Оронте (*Chron. Pasch.* 363) — городе, где на тот момент располагался императорский двор. Отступничество харранских священнослужителей также пришлось на время пребывания ставки августа в их городе. Как уже отмечалось выше, император

⁶⁷ Общий источник для Philost. VII. 13; *Chron. Pasch.* 363; Theoph. *Chron.* 5855; см. Bidez 1913, 232.

⁶⁸ Sokoloff 2017, 269; 468. Возможно, рассказывая об апостасии христиан Харрана, живший в VI в. автор пытался объяснить очень долгое сохранение языческих культов в этом городе. О язычниках Карр в IV–VI вв. см. Green 1992, 54–73; о сирийском «Романе о Юлиане» см. Muraviev 1999.

⁶⁹ Об иммунитетах клира см. Elliott 1978, 326–336; Testa 2001, 125–144. Об отмене привилегий клира при Юлиане см. Vedeshkin 2018, 202.

⁷⁰ Сам Юлиан предполагал, что Пегасий обратился в христианство и стал епископом «из властолюбия» (Jul. Ep. B79/W19/Ф34). Другие примеры подобных «обращений» см. в Athan. *Hist. Ar.* 73; 78; *Apol. ad. Const.* 28.

⁷¹ См. Heather, Moncur 2001, 56, n. 33; Drake 2002, 405–406; Schöllgen 2004; Kahlos 2007, 47; Ward-Perkins 2008, 393–394; Athanassiadi 2015, 41–42. Альтернативную точку зрения отстаивал Армстронг, утверждавший, что на момент своей первой встречи с Юлианом Пегасий был искренним христианином (Armstrong 1984, 14–15).

⁷² Когда Пегасий был епископом, ходили слухи, что он втайне поклоняется Гелиосу (Jul. Ep. B79/W19/Ф34). Криптоязычество представителя высшего клира, конечно же, маловероятно, но все же не невозможно. Еще и в VI в. некоторые епископы обвинялись в «эллинизме». Evagr. *HE.* V. 18; Iohan. Eph. *HE.* III. 29. В пользу криптоязычества Пегасия см. Bonner 1984, 352; Kahlos 2007, 47; Fowden 2008, 542.

⁷³ «В те времена... как он нам часто говорил, ради спасения святилищ богов он одевался в эти тряпки и притворялся только по имени нечестивцем...» (Jul. Ep. B79/W19/Ф34).

активно занимался пропагандой язычества и мог увлечь своей проповедью не особенно стойких в вере (или корыстолюбивых) клириков.

Сохранились известия и об апостасии представителей свободных профессий. Сократ рассказывал, что императору удалось обратиться к своему бывшему учителю софиста Гекеболия⁷⁴. Несмотря на то что при Констанции он казался ревностным христианином (Soc. III. 1; 13; Lib. Or. XVIII. 12), вскоре после обретения Юлианом единоличной власти ритор перешел в язычество (Soc. III. 13). В повествовании церковного историка он предстает оппортунистом, стремившимся во что бы то ни стало сохранить расположение власть имущих. Впрочем, нельзя исключать, что вероотступничество Гекеболия имело и иную подоплеку. Как известно, в начале своего царствования Юлиан издал эдикт, воспрещавший христианам занимать должности риторов и грамматиков⁷⁵. Императорский указ поставил христианских преподавателей перед выбором между верой и возможностью заниматься своим ремеслом. Учитель Юлиана выбрал второе. Подобная интерпретация апостасии Гекеболия подкрепляется сообщением «Суды», авторы которой связывали поступок ритора со «школьным эдиктом»⁷⁶. Едва ли бывший наставник императора был единственным преподавателем, поступившимся верой ради карьеры. То, что Сократ рассказал именно о нем, скорее всего объясняется не уникальностью этого события, а его локализацией — Гекеболий преподавал в Константинополе, история которого была особенно интересна Сократу⁷⁷.

Некоторое влияние на религиозный выбор образованных слоев населения империи могла иметь и литературная деятельность августа. В конце 362 г. Юлиан написал антихристианский трактат «Против галилеян». Из сообщения Либания известно, что язычники очень высоко оценивали труд императора (Lib. Or. XVIII. 178). Еще и в начале V в., полемизируя с христианами, последователи традиционных культов опирались на сочинение Юлиана, заявляя, что никто не смог опровергнуть суждения императора или найти в них ошибку (Суг. С. Jul. Pr. 5)⁷⁸. Несмотря на то что некоторые христианские интеллектуалы впоследствии заявляли, что аргументы Отступника ничтожны, а его труд был предан совершенному забвению (Soc. III. 23;

⁷⁴ Об отступничестве Гекеболия см. Kinzig 1993, 92–105, особ. 103; Kahlos 2007, 44, n. 130.

⁷⁵ Источники о «школьном эдикте» Юлиана см. Bidez, Cumont 1922, 69–75; посвященная этой законодательной инициативе историография очень обширна. Основные работы перечислены в Teitler 2017, 172, n. 3.

⁷⁶ См. Suda, μ 201. Впрочем, возможно, авторы лексикона всего лишь переосмыслили текст Сократа, являвшийся основным источником для статьи (см. Kinzig 1993, 103, n. 52). Гипотеза о связи отступничества Гекеболия со «школьным эдиктом» была высказана еще Боннером, который, впрочем, не упоминал о свидетельствах «Суды» (см. Bonner 1984, 353).

⁷⁷ Udal'tsova 1982, 14; Urbainczyk 1997, 15.

⁷⁸ Один поздний источник передает рассказ о разговоре патриарха Кирилла с «философом», похвалявшимся, что все александрийцы читают труд Юлиана (Evetts 1904, 432–433). Видимо, эта легендарная встреча отражает глубокую озабоченность церковных властей влиянием антихристианской литературы на александрийское общество. О литературном аспекте борьбы Кирилла с язычеством см. Watts 2006, 202; Allen 2015, 180–181; о его труде «Против Юлиана» см. Wilken 1999.

Joh. Chrys. *In. Bab.* II. 2), ожесточенность, с которой апологеты новой веры спорили с Юлианом⁷⁹, свидетельствует о том, что его сочинение вызывало немалый интерес. Влияние этого трактата на читателей признавал и Кирилл Александрийский, отмечавший, что «немало легкомысленных и склонных к отпадению из верующих удобно впадают в его сети и становятся демонам приятной добычей. Иногда, впрочем, начинают сомневаться и крепкие верой...» (Cyril. *C. Jul.* Pt. 4, пер. А. Вишнякова). Иными словами, даже спустя семьдесят лет после смерти Отступника его сочинение смущало умы христиан. При жизни императора этот текст, несомненно, оказывал еще большее влияние на читателей — высокое положение автора придавало дополнительную весомость его рассуждениям.

Для широких слоев населения наиболее весомым аргументом в пользу язычества, по-видимому, являлся социальный аспект религиозной политики Юлиана. Август хорошо понимал, что ресурсы, полученные христианскими общинами в правление Константина и его наследников, позволяли Церкви привлекать народные массы посредством благотворительности⁸⁰. Борьбу за души подданных император начал с лишения Церкви доходов и иммунитетов⁸¹, тем самым ограничив возможности клира влиять на беднейшие слои населения. Параллельно август занимался укреплением экономического положения языческих культов — храмам вернули некогда принадлежавшие им земли⁸², а жречеству возвращены фискальные и литургические привилегии и выделены щедрые дотации из казны (Jul. *Ep.* B84/W22/Ф39; *Soz.* V. 3). Император предписывал жрецам открывать больницы, странноприимные дома, богадельни, раздавать милостыню, защищать преследуемых (Jul. *Ep.* B89b/Ф45)⁸³. Более того, государственная поддержка позволила служителям древних культов тратить значительные суммы на религиозные церемонии и празднества⁸⁴, в ходе которых среди бедноты распределялось жертвенное мясо (Lib. *Or.* XXX. 19). В результате укреплялось влияние язычества на ранее зависевшие от церковной благотворительности слои населения.

Насколько успешен оказался план императора? К сожалению, известия об апостасии «обычных» подданных Отступника чересчур лапидарны или имеют общий характер. Источники передают лишь один пример отступничества «рядового гражданина» империи — некоего юноши куриального сословия из Бероэ-Халеба, то есть представителя социальной группы, которую никак нельзя причислить к низам общества (Theod. *HE.* III. 22(17)).

Так или иначе, попытки августа обратить своих подданных в язычество приносили плоды. Успехи его политики были заметны даже в таком важном христианском центре, как Антиохия, конфликтом с жителями которой исследователи зачастую иллюстрировали тезис об абсолютном крахе религиозной политики

⁷⁹ См. Russell 2002, 191, 238, n. 4–5.

⁸⁰ См. Jul. *Ep.* B84/W22/Ф39; B89b/Ф45.

⁸¹ См. выше, прим. 69.

⁸² См. *Hist. Aceph.* VII. 9; *CTh.* V. 13. 3, ср. X. 1. 8.

⁸³ Ср. Theoph. *Chron.* 5854.

⁸⁴ См., например, Lib. *Ep.* F710/N83; F712/B181.

императора⁸⁵. Прибыв в столицу Сирии в середине июля 362 г.⁸⁶, император обнаружил, что большая часть местных жителей — христиане⁸⁷. Однако всего лишь полгода спустя Либаний не без удовольствия отмечал, что религиозная атмосфера в его родном городе начала меняться. По свидетельству софиста, на его глазах происходила удивительная перемена — население превращалось «из свиней в людей» (*Lib. Or.* XII. 91). Никаких цифр, способных пролить свет на изменение соотношения «свиней» (т.е. христиан) и «людей» (язычников), он, конечно же, не приводил. Данные об апостасии некоторой части населения Антиохии находят подтверждение и в его письме к Юлиану, написанному в марте 363 г.: «большая часть граждан изменила свои взгляды; в театре слышали обильные рукоплескания, а между рукоплесканиями призывали богов» (*Lib. Ep.* F811/N100). Очевидно, девятимесячное пребывание Отступника в городе, жителей которого язычники именовали «врагами богов» (*Lib. Ep.* F1220/ N120), все же имело определенное влияние на религиозные симпатии жителей столицы Сирии.

В иных, менее христианизированных регионах эффект от политики августа мог быть еще сильнее. Через год после смерти Юлиана Григорий Назианзин с горечью признавал, что многие «нисколько не противились ни силе времени ... не сделав и малейшего сопротивления, соблазвившись, когда не было им никакой скорби и никакого искушения» (*Greg. Naz. Or.* IV. 11). Четверть века спустя Иероним вспоминал, что в недолгий период «ласкового гонения» многие пали «собственною волей» (*Hieron. Chron.* 362. 1). Ему вторил Руфин Аквилейский, сообщавший, что удалось Юлиану: «вознаграждениями, почестями, лаской, уговорами вырвал едва ли не большую часть паствы, чем если бы жестоко преследовал ее» (*Ruf. HE.* I(X). 32, пер. В.М. Тюленева). Иными словами, в 361–363 гг. случаев апостасии было немало.

Искренность религиозного выбора язычников-неофитов оценить, конечно же, невозможно. Среди них, несомненно, находились и люди, уверовавшие в богов, и те, кто оставил Церковь из увлечения духом времени или с расчетом на сиюминутную выгоду. Сомнение в том, что все новообращенные шли в храмы по зову сердца, испытывали даже горячие сторонники языческой реставрации. В начале лета 362 г. сам император призывал единоверцев отбросить недоверие и быть более снисходительными к новообращенным: «Ведь если мы будем изгонять тех, кто приходит к нам по доброй воле, никто не будет с охотой слушать наши увещания» (*Jul. Ep.* B79/W19/Ф34). Год спустя Либаний просил консуляра Сирии Александра не удивляться, если «найдутся и такие, которые, принеся жертву богам, в скором времени станут раскаиваться в том, что они совершили. Среди народа они тебе повинуются, но по возвращении домой под влиянием слез и просьб

⁸⁵ Об этом говорили едва ли не все специалисты, писавшие о Юлиане или об Антиохии. Вместе с тем исследователи почти всегда упускали из виду тот факт, что реакция жителей столицы Сирии на начинания Юлиана нерепрезентативна — по своему политическому, экономическому и религиозному статусу Антиохия резко выделялась из массы провинциальных городов (см. Liebeschuetz 2015, 343).

⁸⁶ См. Amm. XXII. 9. 15; den Boeft *et al.* 1995, 177–180.

⁸⁷ См., например, Jul. *Misopog.* 360–363.

своих жен быстро меняют свои убеждения» (*Lib. Ep.* F1411/V98). Опасения софиста подтвердились уже через несколько месяцев.

Вскоре после смерти Юлиана часть новообращенных язычников внезапно «прозрела» и «раскаялась» в своей апостасии. Уже в начале 364 г. Фемистий говорил о том, что тех, кто недавно приносил жертвы на алтарях, нынче можно встретить в христианских храмах. С точки зрения философа, подобные личности были ко-турнами⁸⁸, новыми фераменами, почитавшими имперский пурпур больше самого божества⁸⁹ и менявшими свои религиозные обыкновения быстрее, чем Еврип меняет течение (*Them. Or.* V. 67D–68A)⁹⁰. Среди «фераменов» были как верноподанные конформисты, считавшие императора высшим религиозным авторитетом, так и откровенные оппортунисты. В их числе оказался и бывший учитель Юлиана софист Гекеболий, который, узнав о смерти своего ученика, принялся публично каяться, валяясь в пыли перед одной из столичных церквей (*Soc.* III. 13)⁹¹. Еще одним религиозным «флюгером» оказался префект Домиций Модест⁹². Можно предположить, что от язычества отошел и родич Юлиана Прокопий – на монетах времен его узурпации чеканились символы новой веры⁹³. Впрочем, было бы несправедливо считать, что беспринципными карьеристами оказались абсолютно все

⁸⁸ Т.е. туфлями, которые подходят и для правой, и для левой ноги.

⁸⁹ Ср. *Soc.* III. 13.

⁹⁰ Ср. *Them. Or.* XII. 156D.

⁹¹ Подробнее см. Kinzig 1993, 97–101.

⁹² Рассказывая об участии Модеста в гонении на эдесских никейцев, Руфин называл его язычником (*Ruf. HE.* II(XI). 5). На основании этого сообщения некоторые исследователи делали вывод о том, что Модест вторично обратился в христианство лишь по прошествии несколько лет после смерти Отступника. См., например, *PLRE I*, 608. Вместе с тем в письме, датированном 365 г., Либаний укорял Модеста в том, что он более не желает слышать о «килийском боге» (т.е. об Асклепии) (*Lib. Ep.* F1483). Можно предположить, что эти слова ритор написал, зная, что чиновник вновь стал христианином. Более того, Григорий Назианзин сообщал, что к моменту встречи с Василием Кесарийским Модест исповедовал «арианство» (*Greg. Naz. Or.* XLIII. 48). Противостояние префекта и епископа датируется 370 или 372 г. (*Rousseau* 1994, 351–353), в то время как преследование эдесских никейцев – 373 г. (*Chron. Edess.* XXXI (а. 684)) или 375 г. (*Lenski* 2002a, 257). Таким образом, принятие на веру обоих свидетельств ведет к парадоксальному выводу – после 370 (372?) г. Модест вторично отказался от христианства. Очевидно, что один из авторов заблуждался в оценках религиозных симпатий сановника. Григорий мог знать о взглядах префекта со слов Василия, который вел с Модестом переписку и по меньшей мере дважды лично встречался с ним (см. *Van Dam* 2002, 116–122, 128). В то же время ни Руфин, ни его предполагаемый источник Геласий Кесарийский (см. *Wallraff* 2018) не были близко знакомы с царедворцем. Можно предположить, что Руфин просто не знал о том, что Модест вернулся в лоно Церкви, и называл его язычником по старой памяти.

⁹³ *RIC IX*, pl. XV, 17. Впрочем, пропаганда Прокопия сочетала как христианские, так и языческие элементы. Несмотря на то что на его монетах были помещены христоматии, образ узурпатора был явно стилизован для придания ему сходства с Юлианом. Можно предположить, что Прокопий не решался открыто объявить о своих религиозных предпочтениях, опасаясь оттолкнуть потенциальных сторонников как среди язычников, так и среди христиан. Литературу, освещающую «языческий фактор» в узурпации Прокопия, см. в *den Boeft et al.* 2007, 136.

язычники-неофиты. Немалая часть новообращенных осталась в язычестве и после гибели своего императора. Верность религии своего покойного вождя сохранила по меньшей мере часть армии (Amm. XXVI. 7. 17)⁹⁴, друзья императора Селевк и Гельпидий⁹⁵ и, если следовать гипотезе Барнса, солдат-историк Аммиан Марцеллин.

Оценка успешности акций Отступника по пропаганде язычества была бы сопряжена с почти неразрешимыми трудностями, если бы мы не располагали данными о деятельности другого религиозного реформатора той эпохи, а именно Константина I, чья политика христианизации признается удачной едва ли не всеми исследователями. Как и племянник, первый христианский август пытался заполнить высшие посты своими единоверцами. Евсевий Кесарийский упоминал, что при назначении на должности наместников император предпочитал христиан и терпел язычников лишь в том случае, если они не приносили жертвы. По сообщению историка, после достижения единовластия август и вовсе начал требовать обязательного крещения от представителей провинциальной администрации, занимавших должности выше поста «игемона» (Euseb. *V. Const.* II. 44). В стремлении добиться обращения своего окружения дядя действовал примерно теми же методами, что и племянник, — раздавал награды и посты⁹⁶. При этом ему так и не удалось до конца заполнить администрацию своими единоверцами. Вопреки свидетельству Евсевия, Константин был вынужден уступать религиозным пристрастиям имперских элит и вплоть до последних лет своего царствования терпел язычников даже на самых высоких должностях⁹⁷.

⁹⁴ Христианские историки сообщали, что сразу после гибели Юлиана вся армия вернулась в лоно Церкви (Ruf. *HE.* II(XI). 1; Theod. *HE.* IV. 1–2(1–2); *Chron. Pasch.* 363). Эти данные противоречат воспоминаниям Аммиана, сообщавшего, что сразу после избрания на престол христианина Иовиана в войсках были принесены жертвы и совершены гадания (XXV. 6. 1). О верности язычеству подразделений дивитенсов и тунгриканов см. выше.

⁹⁵ На то, что они остались язычниками и после 363 г., намекают упоминания о богах в посланиях, которые писал им Либаний в 364–365 гг. (см. *Ep.* F1473/N140; F1508/N142; F1120 /N113; F1180/N125). Высказанная фон Хаehлинг идея о том, что Гельпидий отошел от язычества (von Haehling 1978, 142), с нашей точки зрения, необоснованна — Филосторгий упоминал, что Гельпидия до конца его жизни называли «жрецом» (Philost. VII. 10, ср. Nic. Call. X. 29 (*PG* 146, col. 529D; 532A); см. Olszaniec 2013, 221, п. 1035). Что касается Юлиана-старшего и Феликса, то им не представилось возможности засвидетельствовать искренность своего обращения — оба умерли еще до гибели августа, что дало христианским авторам повод посмаковать подробности смертей отступников, см. Greg. Naz. *Or.* V. 2; Jon. Chrys. *De Bab.* II. 17; 22; *Laud. Paul.* IV; *Exp. in Ps.* CX. 4; *Hom. in Matth.* 4. 1; Soz. V. 8; Theod. *HE.* III. 13(9); Philost. VII. 10; Theoph. *Chron.* 5854; ср. Amm. XXIII. 1. 5. Ср. со злорадными описаниями гибели бывших клириков Герона и Феотекна — ссылки на источники в прим. 67 выше.

⁹⁶ О даровании Константином почетных должностей за принятие христианской веры см. Eriph. *Adv. Haer.* 10(30). 11; Euseb. *V. Const.* IV. 54.

⁹⁷ Например, Лоллиан Маворций (*PLRE* I, 512–514 (Lollianus 5)) и Фелициан (следующая Малале, авторы *PLRE* I называют его христианином (*ibid.* 331), но см. Athanassiadi 1991, 276; Lenski 2016, 216–217). О кадровой политике Константина в целом см. von Haehling 1978, 513–521.

Так же, как и Юлиан, Константин пытался склонить к своей вере армию. По данным Евсевия, он приказал воинам еженедельно участвовать в богослужении и сам был для них «наставником в молитвословии» (*Laud. Const.* 9; *V. Const.* IV. 18–20). При этом сам Евсевий проговаривался о том, что и спустя десятилетие после того, как император начал открыто называть себя приверженцем новой веры⁹⁸, многие солдаты упорно отказывались принимать христианство (*V. Const.* IV. 19–20). Свидетельством того, что успехи Константина по привлечению армии к христианству были не столь велики, как хотелось бы думать его панегиристам, может служить рассказ Зосима о том, что во время визита в Рим (вероятно, приуроченного к двадцатилетнему юбилею царствования) «страх перед солдатами» вынудил императора поучаствовать в языческом ритуале восхождения на Капитолий (*Zos.* II. 29). Несмотря на то что датировка и историчность этого анекдота вызывает споры⁹⁹, отмеченные Зосимом симпатии воинов Константина к традиционным культам подтверждаются данными «Кодекса Феодосия» — в 326 г. ветераны обращались к императору со словами: «auguste Constantine, dii te nobis servant» (*CTh.* VII. 20. 2)¹⁰⁰. Эти данные свидетельствуют о том, что, вопреки целенаправленной и многолетней пропаганде христианства, значительная часть армии сохраняла верность отеческим богам¹⁰¹. Таким образом, несмотря на то что времени на обращение чиновничества и воинства у Константина было гораздо больше, чем у Юлиана, достижения дяди на этом поприще были скромнее, чем у племянника.

Примечательно, что далеко не все граждане империи, присоединившиеся к Церкви во времена Константина и его сыновей, меняли веру из искренней убежденности в истинности нового учения. Даже Евсевий признавал, что среди новообращенных было немало «обманщиков, лицемерно присоединившихся к Церкви и ложно носивших имя христиан», пытавшихся снискать расположение августа (*V. Const.* IV. 54, пер. Санкт-Петербургской духовной академии). Согласно данным Афанасия Александрийского, подданные первых христианских императоров нередко принимали крещение лишь для того, чтобы заполучить чиновничью должность или вступить в ряды клира, тем самым избавив себя от бремени литургий¹⁰². По-видимому, среди перешедших в новую веру при Константине корыстолюбивых карьеристов было не меньше, чем среди язычников-неофитов царствования Юлиана.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что у нас нет оснований утверждать, будто акции Отступника по пропаганде язычества были менее эффективными, чем проводимая Константином I политика христианизации империи. При этом Константин насаждал новое учение без малого четверть века, а Юлиану было отпущено править империей лишь 20 месяцев. За этот краткий срок Отступник успел

⁹⁸ Константин публично заявлял о своей вере в Единого Бога по крайней мере с 314 г., см. *Optat. App.* V. Не позднее 315 г. христианская символика появляется и на его монетах (см. *Lenski* 2016, 9).

⁹⁹ Об этом эпизоде см. *Moralee* 2018, 125, n. 61 с библиографией.

¹⁰⁰ О датировке эдикта см. *Lenski* 2016, 344, n. 17 с библиографией.

¹⁰¹ См. *Jones* 1986, 81.

¹⁰² См. *Athan. Hist. Ar.* 73, 78; *Apol. ad. Const.* 28.

полностью укомплектовать центральную и провинциальную администрацию своими единоверцами, из которых часть была неопитами. Ему удалось обратить в язычество значительную, а возможно, и большую часть армии, многих рядовых граждан, интеллектуалов и даже некоторых представителей христианского клира.

Иными словами, у нас есть все основания полагать, что попытка Юлиана вернуть империю к отеческим богам провалилась не потому, что его реформы были изначально обреченной на провал задумкой оторванного от реальности императора-романтика, и не оттого, что древние культы были обречены погибнуть в столкновении с «исторически прогрессивным» христианством, но из-за трагической случайности, оборвавшей жизнь самого реставратора язычества.

Литература / References

- Alfionov, Ya.I. 1880: *Imperator Julian i ego otноshenie k khristianstvu* [*Emperor Julian and His Attitude Towards Christianity*]. Moscow.
- Алфионов, Я. И. *Император Юлиан и его отношение к христианству*. М.
- Allen, P. 2015: The festal letters of the Patriarchs of Alexandria: Evidence for social history in the fourth and fifth centuries. In: D. Costache, P. Kariatlis, M. Baghos (eds.), *Alexandrian Legacy: A Critical Appraisal*. Newcastle upon Tyne, 174–189.
- Armstrong, A.H. 1984: The way and the ways: Religious tolerance and intolerance in the fourth century A.D. *Vigiliae Christianae* 38/1, 1–17.
- Athanassiadi, P. 1991: The fate of oracles in Late Antiquity: Didyma and Delphi. *Δελτίον Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας* [*Bulletin of the Christian Archaeological Society*] 15, 271–278.
- Athanassiadi, P. 2015: Christians and others: The conversion ethos of Late Antiquity. In: A. Papaconstantinou, D.L. Schwartz (eds.), *Conversion in Late Antiquity: Christianity, Islam, and Beyond: Papers from the Andrew W. Mellon Foundation Sawyer Seminar, University of Oxford, 2009–2010*. Burlington (VT), 23–47.
- Barnes, T.D. 1998: *Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality*. Ithaca—London.
- Bidez, J. (ed.) 1913: *Philostorgius. Kirchengeschichte, mit dem Leben des Lucian von Antiochien und den Fragmenten eines Arianischen Historiographen*. Leipzig.
- Bidez, J., Cumont, F. (eds.) 1922: *Imp. Caesaris Flavii Claudii Iuliani epistulae, leges, poematia, fragmenta varia*. Paris—London.
- Blockley, R.C. 1972: The panegyric of Claudius Mamertinus on the Emperor Julian. *The American Journal of Philology* 93/3, 437–450.
- Boeft, J. den, Drijvers, J.W., Hengst, D. den, Teitler, H. 1995: *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXII*. Groningen.
- Boeft, J. den, Drijvers, J.W., Hengst, D. den, Teitler, H. 2005: *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXV*. Leiden—Boston—Köln.
- Boeft, J. den, Drijvers, J.W., Hengst, D. den, Teitler, H. 2007: *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXVI*. Leiden—Boston—Köln.
- Bonner, G. 1984: The extinction of paganism and the Church historian. *The Journal of Ecclesiastical History* 35/3, 339–357.
- Bowder, D. 1978: *The Age of Constantine and Julian*. New York.
- Bowersock, G. 1978: *Julian the Apostate*. Cambridge.
- Boxus, A.-M., Poucet, J. 2010: *Carmen ad quendam senatorem*: présentation générale. *Folia Electronica Classica (Louvain-la-Neuve)* 20; URL: <http://bcs.fltr.ucl.ac.be/fe/20/senatorem/Intro.htm#auteur>; accessed on: 01.11.2021.
- Bringingmann, K. 2004: *Kaiser Julian*. (Gestalten der Antike). Darmstadt.
- Burgess, R.W. 2008: The summer of blood: The ‘Great massacre’ of 337 and the promotion of the sons of Constantine. *Dumbarton Oaks Papers* 62, 5–51.
- Busine, A. 2019: Basil and Basilissa at Ancyra. Local legends, hagiography, and cult. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 59, 262–286.
- Cameron, Al. 2011: *The Last Pagans of Rome*. Oxford—New York.

- Chalmers, W.R. 1960: Eunapius, Ammianus Marcellinus, and Zosimus on Julian's Persian expedition. *The Classical Quarterly* 10/2, 152–160.
- Chausson, F. 2002: La famille du préfet Ablabius. *Pallas* 60, 205–230.
- Dagron, G. 1974: *Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451*. Paris.
- Drake, H.A. 2002: *Constantine and the Bishops: The Politics of Intolerance*. Baltimore.
- Elliott, T.G. 1978: The tax exemptions granted to clerics by Constantine and Constantius II. *Phoenix* 32/4, 326–336.
- Elm, S. 2012: *Sons of Hellenism, Fathers of the Church: Emperor Julian, Gregory of Nazianzus, and the Vision of Rome*. Berkeley.
- Evetts, B. (ed.) 1904: *Severus of al-Ashmunain (Hermopolis). History of the Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*. Paris.
- Fornara, C.W. 1991: Julian's Persian expedition in Ammianus and Zosimus. *The Journal of Hellenic Studies* 111, 1–15.
- Fowden, G. 2008: Polytheist religion and philosophy. In: Av. Cameron, P. Garnsey (eds.), *The Cambridge Ancient History*. Vol. 13. *The Late Empire, AD 337–425*. Cambridge, 538–560.
- Furman, D.E. (ed.) 1970a: [Emperor Julian. Letters]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 233–259.
Император Юлиан. Письма. Пер. Д.Е. Фурмана под ред. А.Ч. Козаржевского (Москва) (продолжение). *ВДИ* 2, 233–259.
- Furman, D.E. (ed.) 1970b: [Emperor Julian. Letters]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 225–250.
Император Юлиан. Письма. Пер. Д.Е. Фурмана под ред. А.Ч. Козаржевского (Москва) (окончание). *ВДИ* 3, 225–250.
- Green, T.M. 1992: *The City of the Moon God: Religious Traditions of Harran*. Leiden–New York.
- Gleason, M.W. 1986: Festive Satire: Julian's Misopogon and the New Year at Antioch. *The Journal of Roman Studies* 76, 106–119.
- Grattarola, P. 1986: L'usurpazione di Procopio e la fine dei Costantinidi. *Aevum* 60/1, 82–105.
- Haehling, R. von 1978: *Die Religionszugehörigkeit der hohen Amtsträger des Römischen Reiches seit Constantins I. Alleinherrschaft bis zum Ende der Theodosianischen Dynastie*. Bonn.
- Hahn, J. 2004: *Gewalt und religiöser Konflikt, Studien zu den Auseinandersetzungen zwischen Christen, Heiden und Juden im Osten des Römischen Reiches (von Konstantin bis Theodosius II)*. Berlin–Boston.
- Hahn, J. 2011: Julian and his partisans – supporters or critics. In: P. Brown, R.L. Testa (eds.), *Pagans and Christians in the Roman Empire: The Breaking of a Dialogue: (4th–6th Century A.D.)*. Proceedings of the International Conference at the Monastery of Bose (October 2008). Wien, 109–120.
- Heather, P., Moncur, D. 2001: *Politics, Philosophy and Empire in the Fourth Century: Themistius' Select Orations*. Liverpool.
- Heyden, K. 2010: Beth Shean/Scythopolis in Late Antiquity: Cult and culture, continuity and change. In: R.G. Kratz, H. Spieckermann (eds.), *One God – One Cult – One Nation: Archaeological and Biblical Perspectives*. Berlin–New York, 301–337.
- Jones, A.H.M. 1963: The social background of the struggle between paganism and christianity. In: A. Momigliano (ed.), *The Conflict Between Paganism and Christianity in the Fourth Century*. Oxford, 17–37.
- Jones, A.H.M. 1986: *The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey*. Vol. I–II. Baltimore.
- Kaegi, W.E. 1967: Domestic military problems of Julian the Apostate. *Byzantinische Forschungen* 2, 247–264.
- Kahlos, M. 2007: *Debate and Dialogue: Christian and Pagan Cultures c. 360–430*. Aldershot.
- Kinzig, W. 1993: 'Trample upon me...' The sophists Asterius and Hecebolius: Turncoats in the fourth century A.D. In: L.R. Wickham, C.P. Bammel, E.C.D. Hunter (eds.), *Christian Faith and Greek Philosophy in Late Antiquity: Essays in Tribute to George Christopher Stead, Ely Professor of Divinity, University of Cambridge 1971–1980, in Celebration of His Eightieth Birthday, 9th April 1993*. Leiden–New York–Köln, 92–111.
- Lee, A.D. 2008: The army. In: Av. Cameron, P. Garnsey (eds.), *The Cambridge Ancient History*. Vol. 13. *The Late Empire, AD 337–425*. Cambridge, 211–237.
- Lenski, N. 2002a: *Failure of Empire: Valens and the Roman State in the Fourth Century A.D.* Berkeley.

- Lenski, N. 2002b: Were Valentinian, Valens and Jovian confessors before Julian the Apostate? *Zeitschrift für Antikes Christentum* 6/2, 253–276.
- Lenski, N.E. 2016: *Constantine and the Cities: Imperial Authority and Civic Politics. Empire and After*. Philadelphia.
- Liebeschuetz, J.H.W.F. 2015: *East and West in Late Antiquity: Invasion, Settlement, Ethnogenesis and Conflicts of Religion*. Leiden.
- Liebeschuetz, W. 2003: Pagan historiography and the decline of the Empire. In: G. Marasco (ed.), *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A.D.* Leiden–Boston, 177–218.
- Malcus, B. 1967: Die Prokonsuln von Asien von Diokletian bis Theodosius II. *Opuscula Atheniensa* 7, 91–159.
- Mango, C., Scott, R., Greatrex, G. (eds.) 1997: *The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History, AD 284–813*. Oxford–New York.
- Marcos, M. 2009: ‘He forced with gentleness’. Emperor Julian’s attitude to religious coercion. *Antiquité Tardive* 17, 191–204.
- Mark, H. 2012: The tyrant’s mask? Images of good and bad rule in Julian’s letter to the Athenians. In: N.J. Baker-Brian, S. Tougher (eds.), *Emperor and Author: The Writings of Julian the Apostate*. Swansea, 75–90.
- McLynn, N. 2015: Poetry and pagans in Late Antique Rome: The case of the senator ‘Converted from the Christian religion to servitude to the idols’. In: M.R. Salzman, M. Sághy, R.L. Testa (eds.), *Pagans and Christians in Late Antique Rome*. Cambridge, 232–250.
- Moralee, J. 2018: *Rome’s Holy Mountain: The Capitoline Hill in Late Antiquity*. New York.
- Muraviev, A. 1999: The Syriac Julian Romance and its place in the literary history. *Khristianskiy vostok [Christian East]* 1/7, 194–206.
- Муравьев, А.В. The Syriac Julian Romance and its place in the literary history. *Христианский восток* 1/7, 194–206.
- Norman, A.F. 1969: *Libanius: Selected Orations*. Vol. I. *Julianic Orations*. Cambridge (Mass.).
- O’Donnell, J.J. 1979: The demise of paganism. *Traditio* 35, 45–88.
- Olszaniec, S. 2013: *Prosopographical Studies on the Court Elite in the Roman Empire (4th Century AD)*. Toruń.
- Pack, E. 1986: *Städte und Steuern in der Politik Julians: Untersuchungen zu den Quellen eines Kaiserbildes*. Bruxelles.
- Peeters, P. 1924: La date de la fête des SS. Juventin et Maximin. *Analecta Bollandiana* 42, 77–82.
- Petit, P. 1994: *Les fonctionnaires dans l’œuvre de Libanius: analyse prosopographique*. Paris.
- Pietri, Ch., Destephen, S. (eds.) 1999: *Prosopographie chrétienne du Bas-Empire*. Vol. III. *Prosopographie du diocèse d’Asie (325–641)*. Rome.
- Rosen, K. 1993: Ein Wanderer zwischen zwei Welten. In: K. Dietz, A. Lippold (Hrsg.), *Klassisches Altertum, Spätantike und frühes Christentum: Adolf Lippold zum 65. Geburtstag gewidmet*. Würzburg, 393–408.
- Rousseau, P. 1994: *Basil of Caesarea*. Berkeley–Los Angeles.
- Russell, N. 2002: *Cyril of Alexandria*. London–New York.
- Sandwell, I. 2011: *Religious Identity in Late Antiquity: Greeks, Jews and Christians in Antioch*. Cambridge.
- Sauer, E. 1996: *The End of Paganism in the North-Western Provinces of the Roman Empire: The Example of the Mithras Cult*. Oxford.
- Schöllgen, G. 2004: Pegasios Apostata: Zum Verständnis von ‘Apostasie’ in der 2. Hälfte des 4. Jahrhunderts. *Jahrbuch für Antike und Christentum* 47/1, 58–80.
- Seeck, O. 1897: *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*. Bd. IV. Stuttgart.
- Shean, J.F. 2010 *Soldiering for God: Christianity and the Roman Army*. Leiden.
- Sokoloff, P.M. 2017: *The Julian Romance*. Piscataway (NJ).
- Teitler, H.C. 2013: Ammianus, Libanius, Chrysostomus, and the martyrs of Antioch. *Vigiliae Christianae* 67/3, 263–288.
- Teitler, H.C. 2017: *The Last Pagan Emperor: Julian the Apostate and the War Against Christianity*. Oxford–New York.
- Testa, R.L. 2001: The bishop, *vir venerabilis*: Fiscal privileges and status definition in Late Antiquity. *Studia Patristica* 34, 125–144.

- Tomlin, R. 1998: Christianity and the Late Roman army. In: S.N.C. Lieu, D. Montserrat (eds.), *Constantine: History, Historiography and Legend*. London—New York, 21—51.
- Tomlin, R. 2008: A.H.M. Jones and the army of the fourth century. In: D.M. Gwynn (ed.), *A.H.M. Jones and the Later Roman Empire*. Leiden—Boston, 143—165.
- Udal'tsova, Z.V. 1982: [Church historians of early Byzantium]. *Vizantiyskiy vremennik [Byzantine Chronograph]* 43, 3—21.
- Удальцова, З.В. Церковные историки ранней Византии. *ВВ* 43, 3—21.
- Urbainczyk, T.E. 1997: *Socrates of Constantinople: Historian of Church and State*. Ann Arbor.
- Van Dam, R. 2002: *Kingdom of Snow: Roman Rule and Greek Culture in Cappadocia*. Philadelphia.
- Vedeshkin, M.A. 2016: [On the problem of identification of the hero of the «Carmen contra paganos»]. *Aristey. Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii [Aristeas. Philologia Classica et Historia Antiqua]* 13, 76—79.
- Ведешкин, М.А. К вопросу идентификации героя «Carmen contra paganos». *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории* 13, 76—79.
- Vedeshkin, M.A. 2018: *Yazycheskaya oppozitsiya khristianizatsii Rimskoy imperii IV—VI vv. [Pagan Opposition to Christianization of the Roman Empire in 4th—6th cent.]*. Saint Petersburg.
- Ведешкин, М.А. *Языческая оппозиция христианизации Римской империи IV—VI вв.* СПб.
- Vedeshkin, M.A. 2019: [«Soul-Destroying teachers»: Education and apostasy in the Later Roman Empire]. *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]* 66, 348—363.
- Ведешкин, М.А. «Учителя-душегубы»: образование и апостасия в поздней Римской империи. *Диалог со временем* 66, 348—363.
- Vedeshkin, M.A. 2021: [The «Impious House» of Olympias the Deaconess]. *Vizantiyskiy vremennik [Byzantine Chronograph]* 105, 27—39.
- Ведешкин, М.А. «Нечестивый дом» дьякониссы Олимпиады Константинопольской. *ВВ* 105, 27—39.
- Wallraff, M. 2018: Gélase de Césarée. Un historien ecclésiastique du IVe siècle. *Revue des sciences religieuses* 92/4, 499—519.
- Ward-Perkins, B. 2008: The cities. In: Av. Cameron, P. Garnsey (eds.), *The Cambridge Ancient History*. Vol. 13. *The Late Empire, AD 337—425*. Cambridge, 371—410.
- Watts, E.J. 2006: *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley.
- Whitby, M., Whitby, M. 1989: *Chronicon Paschale 284—628 AD*. Liverpool.
- Wiebe, F.J. 1995: *Kaiser Valens und die Heidnische Opposition*. Bonn.
- Wiemer, H.-U. 2020: Revival and reform: The religious policy of Julian. In: W. Brandes (ed.), *A Companion to Julian the Apostate*. Leiden—Boston, 207—244.
- Wilken, R.L. 1999: Cyril of Alexandria's *Contra Iulianum*. In: W.E. Klingshirn, M. Vessey (eds.), *The Limits of Ancient Christianity: Essays on Late Antique Thought and Culture in Honor of R.A. Markus*. Ann Arbor, 42—52.
- Wright, W.C. 1923: *The Works of the Emperor Julian*. Vol. III. *Letters, Epigrams, Against the Galileans, Fragments*. London.
- Woods, D. 1995a: Ammianus Marcellinus and the deaths of Bonosus and Maximilianus. *Hagiographica* 2, 25—55.
- Woods, D. 1995b: Julian, Arbogastes, and the signa of the Ioviani and the Herculiani. *Journal of Roman Military Equipment Studies* 6, 61—68.
- Woods, D. 1997a: Ammianus and some Tribuni scholarum palatarum c. A.D. 353—64. *The Classical Quarterly* 47/1, 269—291.
- Woods, D. 1997b: The Emperor Julian and the 'Passion of Sergius and Bacchus'. *Journal of Early Christian Studies* 5/3, 335—367.
- Woods, D. 2000: Ammianus Marcellinus and the 'rex alamannorum' Vadomarius. *Mnemosyne* 53/6, 690—710.